

Голоса молодых

ЕЩЕ РАЗ О КОМПЕТЕНЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ СООБЩЕСТВ

А. В. Клёмин*

Правовая природа и объем компетенции Европейских сообществ — ЕЭС, ЕОУС и Евратома — являются предметом острой дискуссии с момента их образования. Как следствие — амплитуда оценок сущности этого интеграционного объединения и права Европейских сообществ: право ли это традиционной международной организации, право федеративно-государственного образования либо некоего автономного негосударственного формирования особого рода, не имеющего аналогов?

Вопросы эти не носят исключительно теоретического характера; квалификация природы Сообществ и «коммунитарного права» представляет практический интерес для юристов, представителей государственных органов и деловых кругов не только государств — участников ЕС, но и целого ряда стран, которые в той или иной степени связывают свое будущее с Сообществами. Это относится к тем, кто уже обратился с просьбой о приеме в члены организации (Австрия); к тем, кто собирается это сделать (Финляндия); к ассоциированным членам Сообществ (например, Венгрия или Чехо-Словакия) или государствам, которые сотрудничают с ЕС в сфере торговли, экономики, науки и техники.

Все эти и другие формы сотрудничества с Европейскими сообществами, несомненно, могут эффективно осуществляться лишь на основе знаний правовых основ этого интеграционного объединения, компетенции его органов и характера принимаемых ими решений, соотношения права ЕС и национальных правовых порядков и способов разрешения конфликтов, которые могут в этой связи возникать.

Как известно, в юридической природе Европейских сообществ и права ЕС сочетаются международно-правовое начало

* Аспирант кафедры государственного и международного права Казанского государственного университета имени В. И. Ленина.

и свойства государственно-подобного образования, что характеризует это интеграционное объединение как отличное от других международных организаций.

Уже само институциональное устройство организации является одной из особенностей ЕС: структура органов Сообществ — Европарламент, Совет министров, Суд и Комиссия ЕС¹ — аналогична той, что присуща многим современным государствам.

Следующая качественная характеристика Сообществ — высокая степень «жертв суверенитета» со стороны государств в пользу организаций. Полномочия высших органов объединения являются квинтэссенцией признаков наднациональности ЕС. Органы Сообществ систематически расширяют круг своих компетенций за счет суверенных прав государств-участников. Наглядное тому свидетельство — заключение в 1986 году Единого европейского акта (далее — ЕЕА), которым законодательно впервые были переданы и закреплены новые, не предусмотренные договорами об учреждении полномочия в сфере экономического и валютного союза, охраны окружающей среды и исследовательской политики². До 1986 года компетенции в этих областях принадлежали исключительно государствам. Наблюдается явное ограничение, а точнее, самоограничение суверенных прав государств. Происходит это вместе с тем и на основе собственной компетенции Сообществ, которая позволяет их верховным органам расширять уже имеющиеся полномочия и в определенной степени выходить за их пределы.

Основой для подобного «вторжения права Сообществ в сферу внутригосударственных компетенций»³ послужили соответствующие обязательства стран-членов, зафиксированные в договорах об учреждении организаций.

Давая оценку этому факту, П. Мель писал: «В правовом отношении это означало, с одной стороны, перемещение (*Verlagerung*) полномочий на принятие решений от национальных компетентных учреждений к институтам сообществ; с другой — ограничение свободы действий соответствующих государственных органов на издание правовых актов. Политически же вступление в силу договоров означало, что отныне все экономические сферы подпадают под влияние европейской интеграции»⁴.

Кроме того, практически каждое государство осуществило такое перемещение властных государственных полномочий и ограничило в определенных сферах свои суверенные права в пользу Сообществ на конституционной основе. Так, в Италии передача предусмотрена и осуществлена на основе статьи 11 конституции. В Нидерландах это статья 67, в Люксембурге — статья 49, во Франции — преамбула конституции 1946 года, на

которую ссылается конституция 1958 года, и т. д. В ФРГ такого рода передача и ограничение верховных компетенций произведены согласно статье 24 (ч. 1) Основного закона страны, которая рассматривается в качестве «рычага интеграции»⁵. Она гласит, что «федерация может законодательным путем передавать верховную власть межгосударственным образованиям»⁶.

В соответствии с формулировкой конституционного суда ФРГ статья 24 (ч. 1), не подвергшаяся изменениям с момента своего включения (1949 г.) в конституцию страны, «не уполномочивает на собственно передачу верховных государственных прав, а открывает национальный правопорядок таким образом, что претензия ФРГ на исключительное право распоряжаться своими верховными полномочиями отменяется и допускается прямое действие и применимость права из другого источника в рамках внутригосударственной компетенции»⁷. Таким образом «открытие национального правопорядка» интерпретируется как передача (*Übertragung*) верховных государственных прав ФРГ.

Н. Лоренц видит два аспекта в этой передаче: «односторонний отказ страны от собственной исключительности во внутригосударственной сфере и международно-правовое обязательство, которое признает прямое правовое действие актов верховной власти межгосударственной организации в сфере ФРГ»⁸. Другой автор — Константинеско — расценивает акт передачи как «соответствующее ограничение и уменьшение компетенций государств-членов»⁹.

Представляется, что приведенные применительно к ФРГ рассуждения могут быть распространены и на обоснование приоритетности компетенции органов ЕС (в определенных областях) по отношению к национальной компетенции и других государств-участников.

Передача национальных компетенций объединенным наднациональным органам имела своим следствием то, что организация в их лице приобрела способность и право действовать в рамках внутригосударственных правопорядков (в четко определенных договором областях) наравне с верховной государственной властью. С момента передачи в одной и той же сфере могут действовать, таким образом, два носителя верховной власти — само государство и Европейские сообщества, причем независимо друг от друга. Немецкие ученые в этой связи указывают, что речь идет о «значительном ограничении таких признаков суверенитета государств-членов, как независимость и самостоятельность государственных действий во всех внутренних и внешних делах»¹⁰.

Подтверждением этой точки зрения являются особые свойства права Европейских сообществ, регулирующего в рамках

всего интеграционного объединения отношения между субъектами экономических отношений, которыми помимо государств-членов являются также юридические и физические лица. «Первое, на что они посягнули,— отмечает И. С. Крылова, оценивая полномочия органов Сообществ,— это возможность решать статус физического лица, не консультируясь с государством»¹¹. Уже этот факт, по нашему мнению, указывает на наднациональный характер права Сообществ.

Говоря о праве ЕС, большинство авторов имеют в виду производное право¹², то есть тот правовой массив, который издан высшими органами объединения на основе и во исполнение международно-правовых договоров об образовании Сообществ и в соответствии с основанными на них полномочиями. К собственно наднациональному праву следует отнести и прецедентное, творимое Европейским судом. Эффективность наднационального права подтверждается тем, что установлены приоритет права ЕС над национальным, прямое действие норм как договорного, так и производного права Сообществ, их обязательный для адресатов характер, обязательная юрисдикция Европейского суда относительно всех субъектов komunitarного права¹³.

Правовая основа приоритета права Сообществ над внутригосударственным правом базируется на принципе верности Европейскому сообществу, закрепленном в статье 5 договора о ЕЭС, и запрете на дискриминацию норм права ЕЭС на основании принадлежности к государству (т.е. действия во внутригосударственной сфере) согласно статье 7 Римского договора. Европейский суд вынес по этому поводу ряд решений, основополагающим из которых признается решение по делу «Коста против ЕНЕР» (1964 г.). В нем суд четко указал на необходимость урегулирования коллизионного вопроса в пользу европейского права. Он установил, что «сущность общего рынка состоит в обеспечении единообразного действия права Сообщества во всех государствах-членах; внутригосударственные акты не могут обладать приоритетом перед правом, созданным договором и вытекающим из оригинального и автономного источника, без того, чтобы не лишить его характера права Европейских сообществ и поставить под вопрос сами правовые основы Сообщества»¹⁴.

Вторым важнейшим элементом наднациональности является прямое действие норм права Сообществ. Как известно, правовые акты органов Сообществ, в особенности постановления и в возрастающей степени директивы, не требуют утверждения национальными парламентами и действуют для адресатов непосредственно. Своими решениями Совет и Комиссия могут обязать к совершению определенных действий как от-

дельное государство, так и все двенадцать без их согласия. Национальные суды обязаны применять эти нормы без учета их возможного противоречия нормам внутренним. Они не нуждаются в целях их применения в странах ни в одобрении, ни в ратификации государствами-членами. Показательна в этом отношении практика действия норм проникающего характера в отношении бывшего Западного Берлина, где правовые акты ЕС действовали непосредственно без утверждения представительным органом.

На значение права Сообществ в регулировании интеграционных процессов указывает помимо его правовых характеристик количество принятых норм, содержащихся в более чем 12 тыс. правовых актов ЕС ежегодно (с середины 80-х гг.)¹⁵, из которых лишь постановлений и директив только двух сообществ — ЕЭС и ЕОУС — за период с 1958 по 1980 год было издано 42 450¹⁶.

Сам факт переданной государствами Сообществам компетенции, позволяющей характеризовать ЕС как надгосударственное образование, имеет место, «поскольку у ЕС отсутствуют элементарные государственные свойства, такие как способность к принудительной деятельности (полиция, военная власть, а также принудительное судебное исполнение), и для существования политического сообщества нормативная сила права ЕС — наипервейшая функция»¹⁷. Естественно поэтому, что наднациональной компетенцией Сообщества располагают в тех областях, которые определяются задачами Сообществ, и переданы им государствами-членами в этих целях.

Соответствующая компетенция ЕС имеет делегированный характер.

Помимо делегированных государствами-основателями полномочий Сообщества имеют также собственные, не принадлежащие ранее государствам полномочия «нового оригинального характера»¹⁸. Речь идет о так называемых «implied powers» — подразумеваемых полномочиях, которыми органы Сообществ обладают наряду с писаными, то есть договорными, полномочиями. «Implied powers» — это компетенции, которые существуют, не будучи четко названы в соответствующих правовых основах¹⁹.

В качестве примера «implied powers» часто справедливо приводятся внешние компетенции ЕС или же способность создавать в сфере сельского хозяйства дополнительные, не предусмотренные в договоре, вспомогательные органы. Ярким примером собственной компетенции также является компетенция ЕС на установление таможенного тарифа Сообществ, которая подразумевает вытекающие из нее право ЕС на

классификацию продуктов по отдельным категориям и полномочие на выработку правил, регулирующих их контроль²⁰.

Х. Ф. Кек, посвятив этому виду полномочий Европейских сообществ специальное исследование, выделяет две границы подразумеваемых компетенций. В качестве «нижней границы» им определяются компетенции, которые четко очерчены в договорах ЕС; «верхняя» — цель и смысл организации²¹. Те компетенции, которые вытекают из уже имеющихся в договорах прав, как видно из приведенного выше примера, становятся производными от них и находятся в прямой от них зависимости. Они могут быть реализованы только при условии осуществления договорных, «официальных» компетенций и заключаются в том, что лишь дальше развивают их, дополняя и конкретизируя. Ряд авторов (Х. Ф. Кек, И. З. Хоенфельдерн, А. Блекман) утверждают, что производные или «подчиненные» («untergeordnet») полномочия применяются настолько часто, что стали будничным делом.

Другая категория подразумеваемых компетенций также не находит в учредительных договорах четкого закрепления. Они также являются производными, но уже исходя из целей и задач Сообществ, и требуются, чтобы выполнить те или иные задачи, стоящие перед органами объединения.

Так, например, в статье 43 договора об образовании ЕЭС говорится о передаче Совету права регулирования сферы торговли сельскохозяйственной продукцией в связи с тем, что «в договоре нельзя предусмотреть всех необходимых правил, которых требует регулирование в этой области». Эта статья, по мнению И. З. Хоенфельдерна²³, является основанием для вторжения во внутригосударственную компетенцию. Подразумеваемые полномочия, очевидно, расширяют объем компетенции Сообществ за рамки, установленные учредительными договорами. «...Конкретные компетенции ЕС в связи с концепцией «implied powers» вытекают из задач ЕС»²⁴. Именно этим автор объясняет полномочия парламента ЕС и Совета министров на принятие политических заявлений, компетенцию Совета на подписание Хельсинкского заключительного акта, широкий объем финансовой деятельности ЕС, которая (как, например, выдача стипендий, финансирование международных конгрессов и т. д.) не находит в договоре специального закрепления²⁵.

Сообщества имеют еще один вид полномочий — так называемую «субсидиарную компетенцию»²⁶, связанную с восполнением пробелов в учредительных договорах. Такая компетенция осуществляется на основе статьи 235 Римского договора, которая, так же как и статья 203 учредительного акта Евратома,

уполномочивает Совет министров на издание предписаний для непредусмотренных случаев, в которых «деятельность Сообщества представляется необходимой, чтобы в рамках общего рынка осуществить одну из поставленных целей, а требуемые полномочия данным договором не предусмотрены. В таких случаях... Совет единогласно, по предложению Комиссии и после заслушивания ассамблей, издает соответствующие предписания». Подобную же компетенцию в отношении Комиссии ЕС предусматривает и статья 95 (ч. 1) договора о ЕОУС. Речь идет о тех случаях, когда необходимые полномочия не определяются либо «существующая компетенция должна быть усилена»²⁷.

Практика европейского интеграционного строительства свидетельствует о систематическом увеличении как формально, так и материально полномочий Комиссии и Совета ЕС под воздействием «дополнительной компетенции». Например, ранее, до принятия ЕЕА, компетенция ЕС в области охраны окружающей среды, культуры и образования, охраны здоровья, исследовательской и технологической политики (в частности, регулирование неядерных исследований), социальной политики (в частности, защита прав потребителя) принадлежала исключительно государствам-членам. Их регулирование Европейским сообществом имело место и ранее, но строилось на базе статьи 235 учредительного акта ЕЭС и осуществлялось лишь в исключительных случаях. И. Кайзер называет такие сферы, которые не закреплены в договорах, но вместе с тем в своей основе имеют все же нормы договоров или производного права, «пограничными зонами» («Grenzzonen»). Перечисленные выше сферы, таким образом, относились ранее к пограничным областям. С заключением ЕЕА Европейским сообществом путем изменения договора согласно процессуальным правилам, предусмотренным статьей 236 учредительного акта ЕЭС, впервые были переданы и закреплены «конституционно» полномочия на регулирование данных областей (ст. 130а — 130j договора о ЕЭС).

То, что Сообщества в возрастающей мере расширительно толкуют и осуществляют предоставленные им договорами или производные от них компетенции, характеризует это западноевропейское объединение и право ЕС как наднациональные.

Вместе с тем нельзя не видеть, что способность ЕС самостоятельно решать, какие внутригосударственные области интересов подчинить праву Сообществ в каждом конкретном случае, зависит во многом от воли государств-членов, ставших инициаторами этих процессов. На практике значительный объем полномочий ЕС оказывается лимитированным действием

принципа «ограничения отдельных компетенций» и правила «соразмерности договору».

Римским и Парижскими договорами, рассматриваемыми в качестве учредительных, органам Сообществ переданы широкие компетенции в правотворческой, исполнительной областях, а также полномочия на толкование права организации. Эти переданные государствами-членами высшим органам ЕС суверенные права четко и определенно закреплены в договорах, которые определяют, какие полномочия, в каких сферах и в каком объеме им, высшим органам ЕС, позволено осуществлять. Так, генеральной, определяющей правовые полномочия ЕЭС является статья 189 (ч. 1) Римского договора. Она уполномочивает Совет и Комиссию ЕЭС «для выполнения своих задач и в соответствии с настоящим договором издавать постановления, директивы и решения, высказывать рекомендации и выражать мнение»²⁸. Тот же самый круг правовых действий высших органов организации закреплен в статье 161 учредительного договора Евратома и статье 14 (ч. 1) акта о создании ЕОУС, причем с предоставлением таких полномочий «в рамках условий настоящего договора». Статья 4 Римского договора также обязывает каждый орган ЕЭС действовать «в соответствии с предоставленными в договоре компетенциями».

Обязательное правило «соразмерности» («nach Massgabe») договору можно встретить всюду в тексте, где речь идет о каких-либо полномочиях Европейских сообществ. Таким образом учредительные договоры ЕС требуют от высших органов объединения строгого следования этим актам, которые, подобно договорам традиционных международно-правовых организаций, наделяют органы ЕС лишь отдельными полномочиями, а отнюдь не генеральными.

Исходя из принципа «соразмерности», заложенного учредителями, органы ЕС не должны заниматься правотворчеством в сферах, которые не урегулированы договорами (например, вопросы гражданства) или же однозначно исключены (право собственности в государствах-членах), и не должны выходить за пределы закрепленных в них компетенций.

Ограничение компетенции ЕС содержится также и в определении задач Сообществ. Ни один орган не может выполнять другие задачи, кроме специально закрепленных в договоре. Эти задачи-цели содержатся применительно к ЕЭС в статьях 145, 155, 189 Римского договора, статьях 45, 124, 161 договора о Евратоме и статьях 8 и 26 учредительного акта ЕОУС. Высшие органы наднационального объединения не могут определять их самостоятельно, как это делают государства, так же как они не могут самостоятельно выбирать для своей

деятельности те или иные материальные сферы, не оговоренные в договорах.

Ряд ограничений существует и применительно к сфере действия права ЕС и соотношению его с внутренним правом государств-участников.

Членство в традиционных международных организациях не ставит перед государствами проблемы контроля за соответствием правовых актов такой организации основным внутригосударственным правам. Объяснение этому — тот факт, что решения международной организации действуют во внутригосударственной сфере лишь опосредованно, через трансформационный акт государства.

В государствах — членах Европейских сообществ, как указывалось выше, для реализации правовых норм ЕС не требуется издания специального трансформационного акта.

В связи с этим закономерно возникает вопрос соответствия норм европейского права национально-конституционным нормам и принципам государств-участников. Данная проблема существует в ЕС с момента их создания и до сих пор не утратила своей актуальности.

В большинстве стран, за исключением Голландии, Франции, Греции и Ирландии, отсутствует четкое правило, закрепляющее приоритет наднационального европейского права перед внутренними нормами. Если, например, приоритет права Сообществ прямо закреплен в статье 55 Конституции Франции, то в двух других ведущих государствах ЕС — ФРГ и Италии — коллизия, как правило, решалась в пользу внутригосударственного правопорядка.

Таким образом, европейское судебное правотолкование, утверждающее приоритет коммунитарного права, не гарантирует реального приоритета на практике.

Далее. Закрепив во многих своих решениях прямое действие и приоритет права ЕС перед национальным законодательством, включая и конституционное²⁹, Европейский суд сформулировал в этих решениях важный принцип: приоритет европейского права отнюдь не означает автоматической отмены национально-правовых норм в той или иной области; речь может идти лишь об их неприменении.

Судебный орган ЕС полномочен только официально установить (констатировать) нарушение государством наднационального права. Однако на этом его полномочия кончаются. Как известно, суд не может интерпретировать внутреннее право государств-членов. Не вправе он также объявлять национальный закон недействующим, неприменимым и, тем более, отменить его. Не наделен Европейский суд и возможностью потребовать или обязать национальный

суд оставить внутригосударственную норму без применения и обеспечить таким образом приоритет интеграционному праву.

Как это происходит на практике, наглядно показывает казус, имевший место в связи с неправильным толкованием судами Франции постановления Совета министров ЕС № 754/76, в котором шла речь о порядке обмена товаров³⁰.

В нарушение предписаний определение статьи 2 постановления, относящейся исключительно к сельскохозяйственным товарам, было распространено на промышленные товары. В итоге это привело к тому, что на французское предприятие и его управляющего было наложено денежное взыскание и даже наказание в виде ареста. На жалобу управляющего в Комиссию ЕС последняя обратилась к государству с указанием на данное нарушение, в котором сообщала, что «исполнение решения французского суда противоречило бы праву Сообщества и поэтому уже начатые во исполнение мероприятия должны быть прекращены, а точнее, возвращено исходное состояние»³¹. В результате, не без усилий со стороны государства, Комиссии удалось добиться выполнения своих требований и тем самым подтвердить приоритетность норм права ЕС.

В качестве существенно важного момента при этом следует подчеркнуть, что сами решения французских судов не были формально отменены и не подверглись какой-либо коррективке.

Представляется необходимым подчеркнуть и обратную зависимость права ЕС от национального. Европейские сообщества не располагают собственными правоприменительными органами для реализации наднационального права «на местах». Исполнение договорного права и норм, изданных органами Сообществ на его основе, осуществляется соответствующими инстанциями государств-членов. Правовые акты Сообществ, минуя обычную в международных организациях процедуру трансформации во внутреннее законодательство, реализуются в национальных правовых порядках лишь при помощи внутригосударственных актов. В этой связи П. Пескаторе указывает: «Чтобы суметь полностью реализоваться, право ЕС во многих отношениях зависимо от национального права»³².

Приведенные факты показывают, что проблемы пределов компетенции ЕС и вторжения права Сообществ во внутренние правовые порядки государств-участников решаются на основе сохранения их суверенитета и значительного объема прав.

Признавая правильность предложенной немецкими учеными градации компетенции Европейских сообществ на исключительную, конкурирующую и параллельную³³, заметим, что

объем конкурирующих и параллельных полномочий государств — членов ЕС остается значительным.

Реальность состоит в том, что государства — члены ЕС остаются полноправными субъектами международного права, даже отказавшись от части суверенных прав в пользу наднационального органа. Как и до своего членства в ЕС, они остаются способными заключать международные соглашения со всеми субъектами международного права и по всем вопросам независимо от их принадлежности к области европейско-правовой компетенции, включая и исключительную. Те заключенные Сообществами договоры, которые создают для государств-членов новые, не предусмотренные в конституционных договорах обязательства, должны быть ратифицированы ими.

Проведенное автором исследование правовой природы Европейских сообществ и коммунитарного права делает его сторонником тех отечественных и зарубежных ученых, которые признают комплексный их характер.

Определение характера этого наднационального объединения и его права как комплекса международно-правовых и конфедеративных признаков должно исходить из находящегося в развитии соотношения свойств и особенностей Сообществ, придающих им то или иное качество.

¹ Европейский совет как один из органов ЕС не укладывается в эту схему.

² Подробно см. **Dorn D. W.** Art. 235 EWGV — Prinzipien der Auslegung. Die Generalermächtigung zur Rechtsetzung im Verfassungssystem der Gemeinschaften. — Kehl — Arlington, 1986. — S. 3.

³ **Steinberger H.** Aspekte der Rechtsetzung des Bundesverfassungsgerichts zum Verhältnis zwischen EG und deutschem Recht // Festschrift für Karl Doehring. — 1989. — S. 951.

⁴ **Mehl P.** Die Europa — Kommission des Deutschen Bundestages. — Kehl — Arlington, 1987. — S. 6.

⁵ **Roemer K.** Die Übertragung zum Verhältnis Gemeinschaftsrecht — nationales Recht. — Karlsruhe, 1969. — S. 19.

⁶ См. Конституции буржуазных государств. — Сост. В. В. Маклаков. — М., 1982.

⁷ **Bundesverfassungsgerichtsentscheidungen.** 37. — S. 280.

⁸ **Lorenz N.** Die Übertragung von Hoheitsrechten auf die Europäischen Gemeinschaften. — 1988. — S. 124.

⁹ **Constantinesco J. L.** Das Recht der Europäischen Gemeinschaften // Das institutionelle Recht: 1978. — Baden-Baden. — S. 234.

¹⁰ **Dost Axel, Hölzer Bend.** Die EG-Staats- und rechtstheoretische Fragen. — Berlin, 1987. — S. 76.

¹¹ **Крылова И. С.** Европейский парламент (правовой статус). — М., 1987. — С. 81.

¹² Другая же часть права Европейских сообществ — право договоров ЕЭС, ЕОУС и Евратома — имеет классическое международно-правовое происхождение. Это относится и к объединительному договору 1965 года, и к иным дополнениям к учредительным актам организаций. Иногда в европейское право включают и международные соглашения, заключенные Сообществом от своего имени. Существуют еще международно-правовые соглашения между государствами — членами ЕС, которые служат целям организации без того, чтобы стать правом Сообществ.

¹³ См. подробно: **Этин М. Л.** Суд Европейских сообществ: правовые формы обеспечения западноевропейской интеграции.— М., 1987.

¹⁴ **Europäische Gerichtshofentscheidungen.** Costa /ENEL. Rs. 6/64.— S. 1271.

¹⁵ **Oppermann T.** Europarecht, Juristische Kurzlehrbücher.— München, 1991.— S. 153.

¹⁶ **Schweitzer M., Hummer.** Europarecht. Das Recht der Europäischen Gemeinschaften /ERGS, EWG, EAG/—mit Schwerpunkt EWG.— Frankfurt am M., 1990.— S. 109 /Amtsblatt. 1981. Nr. C 186.— S. 10.

¹⁷ **Oppermann T.** Op. cit.— S. 153.

¹⁸ **Constantinesco L.J.** Op. cit.— S. 234.

¹⁹ **Köck H. F.** Die implied powers der Europäischen Gemeinschaften als Anwendungsfall der „implied powers“ internationaler Organisationen überhaupt // Festschrift für J. S. Hohenveldern.— 1988.— S. 288.

²⁰ См. **Schermers H.G.** Judicial protection in the European Communities.— Антверпен — Frankfurt am M., 1983.— P. 174.

²¹ **Köck H.F.** Op. cit.— S. 288.

²² **Ibid.**— S. 299.

²³ **Hohenveldern J. S.** Das Recht internationaler Organisationen einschliesslich der supranationalen Gemeinschaften.— Köln — München, 1984.— S. 221.

²⁴ **Bleckmann A.** Europarecht.— Köln — München, 1978.— S. 49.

²⁵ **Ibid.**— S. 49—50.

²⁶ **Das ABC des Gemeinschaftsrechts.**— Europäische Dokumentation.— 1986.— Nr. 2.— S. 12.

²⁷ **Kaiser J. H.** Grenzen der EG—Zuständigkeit // Europarecht Heft.— 1980.— S. 97.

²⁸ **Europa — Recht. EG-Gründungsverträge.**

²⁹ Основополагающими в этом плане стали решения суда ЕС: от 15.06.1964 г.— Costa /ENEL; от 17.12. 1970 г.— Internationale Handelsgesellschaft /Einfuhr- und Vorratstelle für Getreide und Futtermittel; Albalco /Bundesanstalt für Landwirtschaftliche Marktordnung, 1985; Komission — Italien, 1971; Simmenthal SPA — ital. Finanzamt, 1977.

³⁰ **Amtsblatt der europäischen Gemeinschaften**, 1976.— Nr.L. 89.— S. 1. /Jörn Sack. Verstossverfahren und höchstgerichtliche Vertragsverletzungen — eine Klarstellung // Europäischen Zeitschrift für Wirtschaftsrecht — Heft 8/1991.— S. 246—247.

³¹ **Ibid.**— S. 247.

³² **Pescatore P.** Das Zusammenwirken der Gemeinschaftsrechtsordnung mit den nationalen Rechtsordnungen // Europarecht Heft.— 1970.— Nr. 4.— S. 308.

³³ **Schweitzer M., Hummer.** Op. cit.— S. 108.